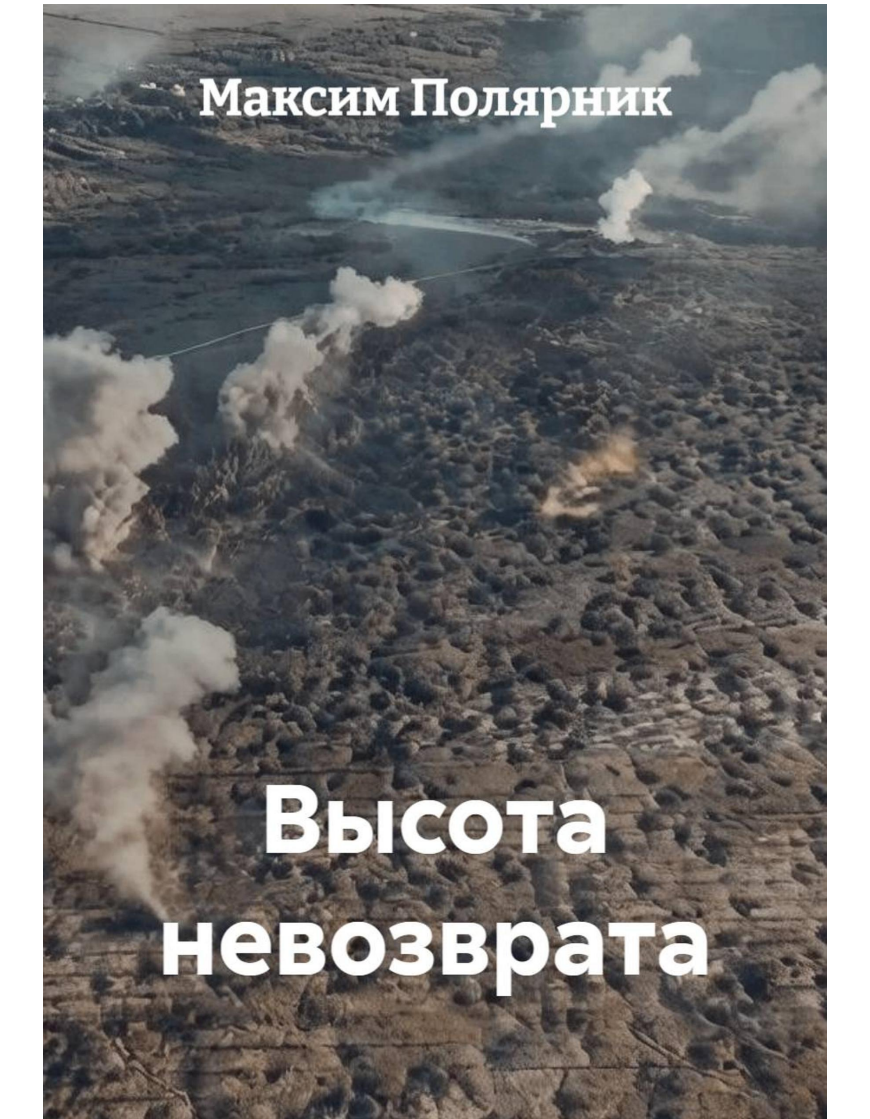

An aerial photograph of a volcanic landscape. In the upper center, a dark, irregularly shaped lake is surrounded by dark, rocky terrain. Several plumes of white smoke or steam rise from the ground, particularly on the left and right sides of the lake. The foreground and middle ground are covered in a dense, textured field of dark, jagged rocks and lava flows. The sky is a pale, hazy blue.

Максим Полярник

**Высота
невозврата**

Максим Полярник
Высота невозврата
Серия «Военная проза
XXI века», книга 1

<https://litres.ru/74594319>

SelfPub; 2026

Аннотация

Специальная военная операция сильно отличается от всех войн, которое знало человечество. Высокая насыщенность фронта беспилотниками диктует совершенно иные правила тактики, стратегии, логистики.

В этой книге вы найдете описание боевых действий на одном из самых напряженных участков фронта, окунетесь в атмосферу современной войны, жестокой и коварной, увидите, как Бог помогает выживать там, где выжить почти невозможно.

Содержание

Максим Полярник	4
ВЫСОТА НЕВОЗВРАТА	5
Предисловие	6
2. «Тройка»	27
3. Блиндаж	41
День 1. Ночь под клеенкой	41
День 2. Накат	49
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Максим Полярник

Высота невозврата

Максим Полярник

ВЫСОТА НЕВОЗВРАТА

Не бойтесь убивающих тело,
души же не могущих убить.

Евангелие от Матфея 10:28

Книга допущена к распространению Издательским советом

Русской Православной Церкви. № ИС Р25-513-0326

Предисловие

На протяжении всей истории человечество вело войны. Мужчинам каждого поколения приходилось брать в руки оружие и защищать свои родные земли. В первобытные времена, Античности и Средних веках, участие в сражениях было обязательным для каждого мужчины. Военное искусство постоянно развивалось, совершенствовалось и являлось, в том числе, двигателем прогресса. Стратегия и тактика изменялись, появлялись все более смертоносные виды вооружения.

XX век ознаменовался двумя мировыми войнами, унесшими миллионы жизней. Казалось, что человечество получило такой ужасающий опыт, что масштабные войны больше невозможны. Но большие войны оказываются выгодными зарубежным геополитическим «игрокам», которые в наше время поссорили два славянских братских народа и вынудили Россию защищаться от надвигающейся опасности у своих границ, на своей исторической земле.

Теперь, как и много раз было в нашей истории, мы взяли в руки оружие и защищаем свое Отечество.

Тот внутренний опыт, который человек получает, участвуя в боевых действиях, невозможно пересказать, описать, передать другому. Это то, что остается внутри человека и

оказывает неизгладимое влияние на его характер и судьбу.

В этой книге предпринята попытка приблизить читателя к тому состоянию, которое испытывает воин на боевом задании. Это погружение в атмосферу современной войны, коварной и жестокой.

В интернете есть немало видео, в котором показана работа БПЛА, артиллерии, работа штурмовых групп, но это не может передать подлинную атмосферу и те чувства, когда ты сам идешь на штурм, перемещаешься под вражескими коптерами, когда они на тебя скидывают гранаты, как FPV-дрон или «Баба-Яга» разматывает твой блиндаж, и т.д. Описание всех этих ситуаций от первого лица вы найдете в настоящей книге.

Описанные здесь события касаются действий штурмового добровольческого подразделения; относятся к определенному участку фронта и конкретному промежутку времени. Это значит, что на других участках, в других подразделениях и в другой период войны все может кардинально отличаться. Ситуация на поле боя зависит от направления, ресурсов и, самое главное, командира.

В книге частично изменены позывные.

После событий, описанных в книге, когда я лежал в госпиталях, знакомился с ранеными и спрашивал кто с какого направления. Опрошенные разделились практически на две части: половина – с Клещеевки, половина – с Авдеевки.

Клещеевка – это «ворота» в Бахмут. Авдеевка – «ворота»

в Донецк.

Не все знают, что так называемая «Бахмутская мясорубка» не закончилась после ухода «вагнеров». Украинцы очень сильно хотели вернуть под свой контроль утраченный город, для них это была бы большая военная и политическая победа. Они продолжали стягивать туда свои лучшие подразделения, в том числе националистов и иностранных наемников.

Место описываемых здесь боевых действий: между поселком Клещевка и Бахмутом, ДНР.

Я специально всегда указываю название «Бахмут», а не «Артемовск». Вопреки распространенному мнению это название не украинское, а исконно русское. Город был основан по указу царя Ивана Грозного в 1571 году как пограничная «Бахмутовская сторожа».

Наши войска к концу 2023 года вернули часть Клещевки, ранее отнятой врагом. А подразделению, в котором я воевал, была поставлена задача захватить и удерживать стратегическую высоту 215,7, с которой открывался обзор на поселок.

Задача усложнялась тем, что мы вклинились в оборону врага на несколько километров и закрепились преимущественно на открытой местности.

2023 год стал во многом переломным для стратегии ведения СВО. Война окончательно приняла затяжной характер, по причине, в первую очередь, появившихся массово беспилотных летательных средств. И если в начале года беспилотников было относительно не много, то к его концу против-

нику удалось сконцентрировать их огромное количество на Клевцовском и Авдеевском направлениях. С 2024 года такая практика осуществится уже на всех направлениях.

В этом плане специальная военная операция кардинально отличается от всех войн, которые вело человечество. Это совершенно другой уровень ведения боевых действий. В ней ключевую роль играют беспилотники: они наводят артиллерию и скидывают гранаты, выстрелы от РПГ, мины. Это дуэль коптера и человека, в которой последний проигрывает. БПЛА страшнее артиллерии из-за своей высокой точности и широкой распространенности. Если тебя заметил коптер, и ты не укрылся под землёй — тебе жить осталось считанные минуты.

Эта война диктует совершенно другие правила тактики и логистики. На первой линии обороны нет окопов (если их не сделали заранее, когда позиция была тылом) — их выкопать под коптерами почти нереально. Военные размещаются в блиндажах и т.н. «лисыих норах» — они имеют крышу, то есть защиту от беспилотников. Перемещение между ними возможно только при отсутствии в небе дронов противника. Это либо «по серости» (утром и вечером), либо в плохую погоду, в ветер, дождь, снег. Плохая погода — лучший друг штурмовика. Все передвижения только малыми группами, от трех до семи человек. Строго соблюдается дистанция.

Сеть блиндажей и нор включает в себя перевалочные пункты. До этих пунктов доставляются боеприпасы, вода и

продукты питания, кратковременно заходят военные для перегруппировки и дальнейшего продвижения.

В блиндажах назначается старший, который держит связь с командованием и координирует передвижения штурмовиков и групп эвакуации. Вне зависимости от звания ему подчиняются все. Он может менять состав группы, заменить одного бойца другим. Решает кого пускать в блиндаж, кто и когда из него выходит. Распределяет боеприпасы, продукты, и самое ценное — воду.

На поверхность земли из блиндажа на передке никто лишний раз не выходит, даже в туалет.

Возможно, в будущем будет война ещё более коварнее и кровавее этой, но на данный момент ничего подобного история человечества не знала.

В таких тяжелых условиях приходится воевать нашим воинам. Именно стойкости русского бойца посвящена эта книга. Русский солдат (включая все наши народы) всегда имел храбрость и мужество выполнять свои боевые задачи. Он храбрый, стойкий и выносливый, идет вперед, несмотря на все невзгоды и сложности.

Нужно учитывать, что мы воюем с серьезным противником, которого обеспечивают и обучают страны Европы и США. Его нельзя недооценивать. Враг коварен и организован, хорошо оснащён. Нужно быть умнее его, угадывать наперед его уловки и ловушки. В конце концов, те, с кем мы воюем, — это наполовину русские, и мыслят они так же, как

и мы.

На войне есть вещи, которые зависят от тебя, и вещи, от тебя не зависящие. Первое — это физическая и моральная подготовка, смекалка, интуиция, воля, храбрость. Второе — это стечение обстоятельств, на которые ты никак не можешь повлиять. Именно во время участия в боевых действиях, на грани жизни и смерти, многие начинают верить в существование Бога. Попад под обстрел, каждый начинает молиться.

Насколько бы ты ни был подготовлен и эрудирован, тебя может убить одна случайная шальная пуля, или, наоборот, можно получить автоматную очередь в свою сторону и быть не задетым (как было со мной не раз). Истории многих бойцов, как они остались живыми, как и эта история, — свидетельства того, что в нашей жизни случаются чудеса.

Тропа

Тропинка поднималась в гору. Ее окружал безмолвный серый лес. День клонился к закату, наполняя его тенями. Казалось, что голые ветви деревьев угрожающе тянутся к каждому, идущему по этой тропе. Проводник вел по «желтой зоне» штурмовую группу из трех человек. Это был наш первый совместный боевой выход.

Мы выходили из Бахмута в сторону линии боевого соприкосновения. Было пройдено уже около километра, впереди нас ждал длинный непредсказуемый путь, все еще только на-

чиналось. Каждый шаг по склону давался тяжело, мы были нагружены по максимуму: каска, увесистый неуклюжий бронжилет 90-х годов, АК-74, 7 заряженных магазинов, рюкзак с продуктами и боеприпасами. Содержимое рюкзака каждый определяет сам. Обычно это 1-2 бутылки воды, 1-2 банки тушенки, сникерс, патроны 5 x 45 в бумажных упаковках или россыпью, 2-5 гранат Ф-1. Хорошо иметь с собой прибор ночного видения (ПНВ), тепловизор, теплые перчатки, запасные носки. Итого на плечах каждого около 30 килограммов — все только самое необходимое.

Натопанная тропинка виляла по склону между деревьями, то поднимаясь, то спускаясь вниз. Поздней осенью земля сильно размыта после дождей. Идя по слякоти, крайне сложно держать равновесие и не упасть, поскользнувшись на ней. Украинский чернозем добавлял нашим берцам по несколько килограммов грязи. Походка становилась неуклюжей, тяжелой и не быстрой. Местами на склоне встречались широкие овраги, глубиной достигающие до полутора метров. Знающие эту местность проводники заботливо заранее протянули веревки между деревьями, стоящими по бокам оврага. Держась за веревку, получалось быстрее спускаться в овраг и подниматься по нему.

Проводники перед выходом нас строго предупреждали не сходить с тропы. Слева и справа лежали мины разных типов, неразорвавшиеся боеприпасы, гранаты и много всего «интересного», что могло за мгновение прервать твой дальнейший

путь. Время от времени противник закидывал эту тропинку «лепестками» (противопехотная фугасная мина ПФМ-1). Украинские «лепестки» не имеют устройства самоликвидации, поэтому могут представлять опасность для военных и мирного населения еще многие годы. Оружие достаточно опасное, малозаметное, при взаимодействии с которым разрывает ступню.

Мы продолжали продвигаться вперед по тропе. У подножия, в канаве, перед подъемом лежало что-то грязно-зеленого цвета. Подойдя ближе, стало понятно. Это был первый на нашем маршруте труп. Мы проходили возле него всего лишь секунды, и мое внимание привлек его необычный вид: это был скелет в носках. Он был полностью одет в летнюю солдатскую форму, но без берцев. Трупы на фронте, как правило, лежат в неестественной форме: руки и ноги раскинуты, переломлены, голова набок. Но этот лежал ровно на спине, руки сложены вдоль тела, ноги выпрямлены. Пустые глазницы черепа смотрели наверх, в небо. Из «желтой зоны» наши всегда эвакуировали всех «двухсотых»¹, значит, этот боец был из украинцев. Судя по всему, этот участок летом занимал противник и после продолжительных тяжелых боев они оставили павших. Хотя и положили своего товарища ровно, но не постеснялись снять с него берцы для своих нужд.

Трудно представить более печальной участи человеческого телу, чем разлагаться у всех на виду. Тропа, по которой

¹ УБИТЫХ

мы проходим, используется уже давно, а значит, сотни и тысячи бойцов проходили возле него, наблюдали, как некогда тело живого человека, какой-то личности, со своими мыслями, стремлениями и надеждами, сначала начало раздуваться, потом желтеть, поедалось червями, пока не осталась одна отполированная временем белая кость. То, что осталось от человека, лежит бездушно в канаве. Его душа, которая и составляла его уникальную личность, давно обитает в иных, далеких мирах. Но при этом сам обитатель склона и сейчас как бы находится здесь. Его родные и близкие не проводили в последний путь, не смогли одеть в лучшую одежду и обувь. Он здесь как будто забытый всеми, без обуви, жертва неведомого рока, чей-то сын, возможно, муж и отец. Таких здесь осталось лежать очень много.

Перед тем как оказаться на войне, я на протяжении многих дней просил у Бога оставить меня живым и невредимым. Как известно, «человек предполагает, а Бог располагает». Морально я был готов ко всему и принял бы любой исход событий, в том числе увечья и даже смерть. Но двух обстоятельств мне не хотелось точно: первое — это попасть в плен, а второе — это чтобы мой труп остался гнить в канаве.

Тяжело дыша, мы взобрались почти на самую верхушку склона. Здесь, в зарослях орешника, начинались наши первые окопы и блиндажи, местами стояли замаскированные натянутые палатки. Нужно сказать, что на войне каждый блиндаж, аналогично, как и каждый боец, имеет свой позыв-

ной. Так легче ориентироваться и передавать информацию. Названия блиндажам даются в честь старшего группы кто его отнял у противника или построил. Эти прозвища появляются естественно и могут изменяться, если какой-то новый боец на этой позиции чем-то запомнился и проявил себя героически. Первый блиндаж именовался «Чапай».

— Дошли до «Чапая», располагайтесь парни под деревьями, отдыхайте, здесь относительно безопасно. Если что-то прилетит, то могут спасти деревья, — прокричал проводник. Он весь путь шел первым, за ним, на расстоянии 10-20 метров, двигался старший штурмовой группы с позывным «Броня», далее на такой же дистанции я, и замыкал нашу группу «Алладин». При любом передвижении крайне важна дистанция между бойцами. Скопление даже 2-3 солдат — лакомая цель для противника.

Мы уже изрядно устали, поэтому с радостью покидали рюкзаки на землю. Температура была немногим выше нуля, но мне было очень жарко, и легкий ветер, дующий на вершине склона, слегка помогал остыть. Чтобы не садиться на холодную землю, я пристроился на каску. Ребята расположились на поваленных деревьях. Как и вся военная амуниция, каска — универсальная вещь. Она не только защищает голову, но и относительно удобная сидуха, черпак для воды — в общем, функциональная вещь. Трофейные каски и бронежилеты отлично подходят, чтобы затыкать дыры в блиндаже для дополнительной защиты. Есть споры, как лучше ее но-

сшить — застегивая ремешок или нет. При прилете большого осколка лучше, чтобы она приняла удар и слетела, но при интенсивных передвижениях нужно, чтобы она прочно сидела на голове. Лично я всегда застегивал.

Немного отдышавшись, я понял, что с большим грузом дальше будет идти тяжело, пора вытащить лишний груз из рюкзака, надо было сделать выбор. Мы все здоровые, крепкие парни, но такой путь требует большей мобильности — впереди еще километры нагрузки, притом, что открытые местности, встречающиеся на пути, нужно преодолевать переребками. В этот момент мне вспомнился один бывалый боец, который говорил, что я нацепил на броник слишком тяжелый карабин. Карабины вешаются на броник, чтобы можно было вытащить раненого в укрытие, подтянув на веревке. Тогда я посмеялся над его замечанием, но сейчас действительно каждые лишние 100 граммов казались критическими.

Мы не знали, какую боевую задачу нам поставят на передке. На общем построении нам ее не озвучивали. Ротный предположил, что мы пойдем на штурм места, в котором располагалась большая бетонная труба, где закрепился противник. Я думаю, что задач было несколько и командование само заранее не знало, какую из отправляемых групп будет перекидывать на какую задачу. Ситуация на поле боя очень динамична: одни идут на штурм, вторые на закрепление завоёванных позиций, третьи заполняют ряды после потерь и

опять же идут на штурм. В зависимости от задачи можно с собой брать большее или меньшее количество боеприпасов. При штурмовых действиях необходимо больше гранат, в обороне нужны продукты питания и вода.

От количества боеприпасов может зависеть твоя жизнь. Поэтому размышляя, какой груз можно скинуть, выбор пал на воду. Одну бутылку я нес в руке — ее мы с ребятами опустошили наполовину, и я ее положил в ближайшей палатке, для других бойцов, которые будут здесь проходить.

Еще не раз будет затронут вопрос гигиены на войне. Стоит ли говорить, что ее уровень у бойцов всегда низкий. Мы пьем из одной бутылки, едим одной ложкой, не спрашивая заранее, у кого какие болезни. Здесь ты не думаешь о бактериях и вирусах, все мысли лишь о том, чтобы выполнить боевую задачу и выжить. Все остальное уходит на последний план. Воином не может быть тот, кто жалеет себя. Здесь ты выкладываешься по максимуму, твой ум, твоё тело работают на полную мощность без оглядки на усталость, недоедание, плохое самочувствие и прочую ерунду.

Итак, наш привал растянулся почти на час. Проводник с позывным «Макар» — молодой, но опытный парень — привык ориентироваться «по ситуации». Его брат ушел на войну добровольцем, и он решил последовать его примеру.

— На меня иногда орет командование, что я слишком долго завожу группу. Но для меня главное — довести всех живыми: в одном месте пересидим до темноты, в другом пе-

реждем артобстрел, все будет нормально, — задумчиво сказал «Макар» и затянул сигарету.

На фронте передвигаться лучше «по серости» — в небольшой промежуток времени на рассвете и закате, когда дневные коптеры плохо «видят» обстановку, а ночные, с тепловизорами, еще не прилетели.

— Подождем до 17 часов, как раз начнет темнеть, и выдвинемся, — продолжил «Макар».

Мне заполнилось его спокойствие. Он здесь почти год, много повидал. К смерти относится философски. На правом плече висел красный шеврон с изображением Спасителя и надписью «Спаси и сохрани».

— Я вас заведу до «Петровича», сам дальше пойду. У меня там недалеко друг лежит, надо его вытащить. На днях мне его мама писала, спрашивала, как у него дела, давно не выходит на связь. А я даже не знаю, как сказать, что его больше нет. Уже неделю его тело там в канаве, надо домой отправить, чтобы похоронили нормально.

За прошедший час мы неплохо восстановились и с новыми силами двинулись дальше. Вскинули рюкзаки на плечи, автомат висит за спиной стволом вниз. Черные стволы деревьев начали утопать в закатной серости. Последние лучи солнца освещали кроны деревьев и скрывались за низкими облаками. Эта ночь будет для нас долгой.

Послышался звук первого коптера. Старший группы, «Броня», человек уже с боевым опытом, услышал его пер-

вым и прокричал остальным басом «Птичка!». Все команды в боевом порядке, кроме команд во время специальных заданий, дублируются всеми бойцами четко и громко, чтобы информация доходила до самого последнего солдата в звене.

Жужжание коптера, такое знакомое и беспрдельно опасное в понимании воевавшего человека, еще совсем ничего не значит для того бойца, кто еще с ними не встречался. О разрушительной роли «птичек» на этот момент я знал пока только в теории. Об этом еще много будет сказано в продолжении. Здесь лишь укажем, что реакция на этот звук должна быть одной из нескольких вариантов, в зависимости от ситуации: 1) сбить дрон; 2) бежать и прятаться в укрытие; 3) присесть за препятствием и замереть на месте; 4) продолжать движение в том же темпе.

В нашем случае нельзя было доподлинно определить, это был коптер союзников или вражеский. На таком отдалении от первой линии дрон маленького размера может выполнять лишь наблюдательную функцию — наводить артиллерию. Дистанция слишком большая, чтобы нести с собой груз в виде гранат. Прятаться здесь нам негде, если остановимся — идеальный момент для артудара. На передачу данных о нашем местоположении и наведении орудий потребуется время. Пока мы в движении, нас сложнее поймать. Значит, единственный правильный вариант — продолжить перемещаться в том же темпе.

С этого момента на передке мы уже никогда не расстанем-

ся с этим звуком. Он будет сопровождать нас везде — в лесополосе, в поле, в блиндаже. Жужжание коптера — самый частый и самый страшный звук этой войны.

В начале пути наша тропа была совсем безлюдной, но «по серости» она наполнилась путниками. Вечернее время самое активное по передвижению солдат. Первый встречный проводник выводил троих раненых. Один боец поддерживал второго, третий хромал самостоятельно, на его правой ноге был небрежно замотан жгут. Его уставшее лицо показалось мне знакомым.

— Здорово, «Тигр»! — крикнул я ему и подошел пожать руку. — Ты же только вчера уходил на задание?

— Да, и вот обратно возвращаюсь. Давай, удачи!

Мы пожали руки и пошли дальше. Останавливаться и собираться толпой было нельзя.

Навстречу потянулись вереницы раненых. Изнеможённые, хромающие, полностью грязные, истекающие кровью на носилках — я вглядывался в их дикие глаза и видел в них бездну, которая оказывает какое-то неизгладимое впечатление, подлинную глубину которой я пока еще не мог понять. Мы молча проходили навстречу друг другу. Одни шли на войну — другие с войны. Это все мне напомнило какой-то фильм про Первую мировую войну, но любой фильм — это лишь художественное представление реальности. А здесь реальность натуральная, беспощадная, и мы были внутри нее.

Тропа постепенно становилась больше, достигая в шири-

ну до полутора метров. По ее бокам валялись мусор, скинутые бойцами вещи, рюкзаки, бутылки, виднелись неразорвавшиеся снаряды, некоторые неизвестных мне видов, поставленные из стран НАТО. Редкие тела погибших виднелись под кустами.

Мы продолжали движение. В очередной раз поднявшись на склон, мы оказались на широкой дороге, ведущей вниз. По ней нужно было пройти километр или два до следующей развилки. Берцы, несмотря на налипшую на них грязь, пошли под откос лучше, чем в гору. Поваленные везде деревья заставляли проползать под ними или перелезать попереху.

Стало темнеть, и мы уменьшили дистанцию до 5—10 метров. Говорят, на Украине ночи особенно темные. Это предубеждение, они такие же, как в России. Просто на гражданке никому не приходит в голову ходить в лесу ночью без фонарика. Конечно, в облачную погоду без луны и звезд тьма такая, что, как говорят, «протягиваешь руку и не видно пальцев», но бывают и яркие ночи, при которых видно на большие расстояния вперед. Эта ночь была беспросветной. В такой темноте ты не увидишь, что сошел с маршрута, не различишь торчащую из земли мину, споткнёшься о поваленное дерево или упадешь в воронку от снаряда.

У меня в голове играла песня «Вы держитесь, ребята». Я впервые ее услышал за несколько дней до этого выхода, и слова устойчиво врезались в память. Все здесь было актуальным, и про мамину молитву на кухне, и про пули, «как де-

моны, летящие над головой», и про «поле без мины». Единственное несовпадение — нам было не по 20 лет. Таких молодых парней мало на фронте. Средний возраст, я думаю, — 35 лет.

Центральная фраза песни «только живыми, только целыми вернитесь домой...» стала моей молитвой. Я всегда молился, чтобы мы с парнями вернулись домой живыми и целыми. И Бог нас никогда не оставлял.

Мы уже изрядно устали к тому моменту, когда проводник крикнул: «Скоро будет «открытка» (открытая местность), мы должны ее преодолеть максимально быстро!» До края леса оставалось несколько сотен метров, как послышался свист снарядов. Нашу тропу впереди обкладывали артиллерией. Снаряды летели немного правее маршрута.

В лесу обстрел не так страшен, как в поле, — плотно растущие стволы деревьев защищают тебя от осколков. Но в то же время вырванные куски дерева сами становятся вторичными осколками и могут глубоко залететь в мягкие ткани.

Стало прилетать ближе. Мы приседали и прятались за деревьями по направлению от взрыва. Первые разы сложно определить на слух, в какую сторону летит снаряд. Но этому очень быстро учишься. На войне вообще соображать начинаешь быстрее. Кто долго думает — тот долго не живет.

Я стал читать 90-й псалом — молитвенное оружие от всякого зла. На гражданке я знал наизусть много молитв, но в этой ситуации в голове все перепуталось: в 90-м псалме вста-

вились строки из 50-го, потом из других молитв, утренних, малого повечерия и часов. В итоге я просил у Бога оставить нас живыми простыми словами: «Господи, помоги!»

Противник применил по нам натовский кассетный боеприпас. Это была первая «кассетка», которая по нам прилетела. Взрыв был недалеко от меня, выше по склону. Я упал за дерево, повернул голову в сторону взрыва и смотрел, как передо мной разрываются боевые элементы из кассет. Десятки маленьких взрывов с характерным звуком накрывают участок по площади, разверзая почву, кроша ветки и кустарники. Это зрелище сопровождается соответствующим треском, звуком разрывов, который невозможно забыть.

В голове быстро пришло понимание, что нельзя смотреть в сторону прилета — осколки полетят прямо в лицо. Правильнее отвернуться в противоположную сторону и вжать шею под каску, чтобы максимально ее защитить. Осколок в шею — почти неминуемая смерть.

Еще одно важное правило — это не вставать сразу после взрыва. Первичные осколки от снаряда и вторичные от тех препятствий, с которыми они сталкиваются, разлетаются в стороны несколько секунд. Взрыв — отсчет пять секунд — быстро двигаемся дальше. В этом вопросе я ориентировался на «Броню». Он был недалеко от меня. Выждав пять секунд, мы кричали друг другу «идем!» и двигались дальше.

На маршруте наша группа встретила блиндаж у тропы с небольшим окопом, около полуметра высотой. Блиндаж был

полностью занят, и даже в окопе лежали люди. По-хорошему нам нужно было тоже спрятаться и переждать, пока обстрел не утихнет. «Проходите дальше! Проходите! Здесь места нет!» — слышались оттуда крики.

Мы полубегом преодолели еще некоторое расстояние, как неподалеку прилетел снаряд. Едва я успел укрыться за деревом, как меня оглушило и зазвенело в ушах. В голове помутнело, я ненадолго потерялся в пространстве. Это была первая легкая контузия. Секунды начали длиться как минуты, а может быть, время и вовсе остановилось в этот момент.

Об усталости уже некогда думать, осталось только стремление выжить. Собравши волю в кулак, мы из последних сил сделали бросок до «открытки». Но чем дальше мы заходили, тем становилось интересней. Слева через открытку находится враг, а сверху нас отлично видно с беспилотника, который как раз в это время висел над нами и корректировал огонь. «Бегом! Быстрее! Немного осталось! Бегом! — кричал «Макар».

Мы ускорились еще больше, насколько могли. Оставшиеся 200 метров по полю по ощущениям длились как километр. Первым бежал проводник. Проводники ходят налегке, без дополнительного груза, в легком бронежилете и иногда даже без автомата. Поэтому он сильно оторвался от нас вперед. Где-то впереди «Макар» свернул из поля в лес, а это значит, что осталось совсем немного!

В лесополосе тропинка разветвлялась на несколько дру-

гих и была сильно завалена ветками и стволами деревьев от частого артиллерийского огня. «Быстрее! Нырять в блиндаж!» — кричал «Макар», стоя посреди веток и мусора. Только подойдя ближе, стало возможно различить небольшую яму — вход в блиндаж. Он был настолько малозаметен, что, наверное, даже днем его было бы сложно обнаружить. Напротив входа были накинаны пустые бутылки, рюкзаки и прочее неразличимое в темноте барахло.

Вход располагался на склоне и представлял собой яму с двухметровым туннелем вглубь. Я первым нырнул в проход и понял, что с рюкзаком сюда не влезть. Вылез, снял рюкзак и снова пополз внутрь по сырой земле.

— Стой! Какое подразделение?

Я выкрикнул название подразделения и услышал в нелюбезной форме ответ, чтобы залазил сюда быстрее, потому что летает коптер. Бойцы в блиндаже помогли отодвинуть спальный мешок, заменявший дверь. Внутри, в маленьком помещении, было около 10 бойцов, которые сидели фактически друг на друге.

— Сколько вас?

— Трое.

— Зачем сюда отправляют, уже места нет! У нас еще раненые не эвакуированы! — с нецензурной бранью ответил боец, по-видимому старший блиндажа.

За «дверным» спальным мешком показалась голова «Алладина» и послышался громогласный голос «Брони»:

— «Алладин», шевелись! Залазь быстрее, здесь «птичка»!

— Не могу, тут нет места!

Я помог затащить «Алладина», потом подал руку «Броне». Он не снял рюкзак и застрял в проходе. На нас наорал старший блиндажа, что автомат и рюкзак нужно было оставить снаружи. Но нам изначально это не сказали, поэтому наши вещи сократили и без того ограниченное внутреннее пространство блиндажа.

Мы несколько часов добирались до этой точки. Эти пять километров оказались нелегким испытанием, и нужно сказать, что сюда доходят не все. Несколько дней назад здесь шли ребята с нашей роты, несколько групп. Из первой группы одного насмерть накрыло снарядом на тропе, другого ранило кассетными боеприпасами, и он, раненый, полтора часа пролежал не шевелясь, потому что сверху висел коптер. Вторая группа на полпути повернула назад из-за интенсивного обстрела. А трое бойцов из третьей группы попав под обстрел свернули не в том направлении и трое суток выбирались до своих (их уже успели объявить пропавшими без вести), ночуя в разбитых блиндажах на земле.

Мы преодолели этот путь и остались живыми. Но это было самое легкое испытание, самые большие опасности ждали нас впереди.

2. «Тройка»

Едва мы полусидя расположились у выхода, как по рации услышали команду:

— Сейчас за ними придет проводник, пойдут на «Тройку». И пусть гранаты с собой возьмут.

— Дайте хоть отдышаться-то, — вслух сказал «Броня».

«Петрович» — распределительный блиндаж, в нем формируются штурмовые группы и через него эвакуируются раненые. Здесь можно провести до суток, но нам сказали выдвигаться сразу, без отдыха.

Проводника еще не было. Мы осмотрелись по сторонам. Тусклый свет светильника, подвешенного под потолком, освещал угрюмые лица солдат. Кто-то вернулся со штурма, кто-то только направлялся туда. У дальней стены полулежа расположилось несколько раненых, им оказывалась первая помощь. Я присел на груду мешков с землей, внизу сидели «Броня» и «Алладин». Эти мешки лежали напротив входа и должны были поймать осколки в случае, если боеприпас разорвется перед ним. Таким образом, все, кто сидел перед мешками, попадали под огневое поражение.

«Броня» что-то сказал мне, повернулся спиной и вывернул правую руку. Я не понял, что он хочет, и потянул его за руку.

— Да чего ты руку то мне ломаешь! Помоги рюкзак снять!

Я помог, и он сказал что-то вроде «Посвети!» и протянул мне зажигалку. Я зажег огонек.

— Да что ты мне в лицо огнем тычешь, говорю: посвети! На зажигалке включи фонарик.

Он посмотрел на меня и задумчиво сказал:

— Ну ничего себе тебя как накрыло!

— Что я? Я нормально, — примерно это пробормотал я в ответ.

Состояние действительно было не лучшее. Кружилась голова, я был оглушен и измотан, но не хотел это признавать.

Мы с «Броней» поняли, что нужно скидывать груз. «Сказали взять гранаты — значит, идем на штурм. По идее завтра-послезавтра должны сюда вернуться. Оставим рюкзаки тут, потом заберем». Мы попили воды из запасов, по паре глотков, взяли гранаты и закинули вещи наверх других рюкзаков у одной из стен блиндажа. У меня был неудобный броник и крепление Молле было только в нижней половине. Там висело 7 заряженных магазинов, и места для подсумков под гранаты не оказалось. Поэтому я взял лишь одну гранату в руку, для себя.

Послышался голос у входа в блиндаж, за нами пришел проводник. Он забрался к нам и сказал, что приказ выдвигаться сейчас же.

Мы едва успели отдышаться, но нужно было двигаться дальше. Мы посмотрели с «Броней» друг на друга, и через

секунду он решительно скомандовал: «Идем!»

Первым вылез проводник, потом я, «Алладин» и «Броня». В правой руке болтался автомат, в левой — зажата граната. В голове непрерывно звучала молитва: «Господи, помоги!». Был поздний вечер, маленькая, едва различимая полоска заката виднелась на западе. Проводник перемещался очень быстро, я еле успевал за ним. Он как тень мелькал где-то впереди, и я боялся упустить его из виду, иначе это на передке грозит опасностью заблудиться, умереть или попасть в плен. Одновременно нужно видеть идущих сзади, иначе такая участь ждет их.

«Быстрее, быстрее!» — слышался голос впереди. «Алладин», сюда! Где «Броня»? Быстрее!» — кричал я назад. Видимо, «Броня» долго выходил из «Петровича», он отставал, и вся цепочка из-за этого задерживалась.

Мы снова поднимались по склону, и ноги разъезжались по грязи. Проводник ловко повернул в сторону, нырнул в длинную канаву, конец которой терялся где-то в темноте, и исчез. «Сюда! Сюда!» — слышался только его голос.

Тяжело дыша, я добежал до точки, где в канаве лежал проводник:

— Где остальные?

— Идут.

— Залазь сюда! — показывает мне вход в земле, который я сразу не заметил.

Такие укрытия мы называем «лисья нора». Как дикие зве-

ри роют себе убежища в земле, точно такие же сооружаем и мы, люди, с тем лишь отличием, что пытаемся сделать их комфортнее. «Ротор», а именно так называлась эта нора, был обшит внутри мешковиной, что помогало сохранять тепло и сухость.

Я, запыхавшийся, протиснулся сквозь узкий проход и оказался в небольшом помещении внутри. Два бойца сидели в норе и светили на меня фонариком. Заползая, я опёр руку с гранатой о коленку бойца. Они посмотрели на нее, и образовалась настороженная пауза. Я понял, что они на нее смотрят, ведь первоначально непонятно, кто заходит в блиндаж — наши бойцы или диверсанты.

— Здорово, мужики! Гранату положите в угол куда-нибудь.

Один из солдат осторожно взял ее и положил на полочку — небольшое углубление в дальней стене.

За мной залезли «Алладин» и «Броня». Проводник крикнул, что ждем остальных и пойдем дальше.

В «лисей норе» было сухо и тепло. На «Петровиче» стены были из дерева, а здесь, на «Роторе», они просто обиты мешковиной. Было слышно, как за прочной тканью ползали и пищали мыши.

Парни, к которым мы пришли, сидели угрюмо, «повесив носы». Старший был «Питон», ему только что сказали по рации, чтобы он брал два вещмешка с едой и срочно возвращался на позицию, откуда пришел.

— Я сейчас никуда не пойду, — сказал он товарищу.

— Ты чего, нам сказали выходить!

— Нет. Лучше здесь дольше побудем, не хочу туда возвращаться.

Он достал с полки горелку, зажег газ и начал подогревать тушенку. Мы его не осуждали, потому что сами еще не знали, что нас ждет.

В это время пришла еще одна наша группа. Теперь нас было 8 человек. Пришлось очень сильно потесниться, места в «норе» не осталось совсем. Все сидели, поджав под себя ноги, в неудобных позах. В разных местах стояли и лежали автоматы. Я успел зажать автомат между ног, чтобы его не потерять.

— «Заря» — «Питону», «Заря— Питону», — включилась рация.

— «Питон» на связи.

— Вы уже вышли?

— Еще нет, собираемся.

— Быстрее выходите, заходят группы, заходят группы.

— Принял.

— И что мы потом скажем, если не пойдем? — спрашивал второй боец.

— Я скажу, что пока шли, потеряли рацию, долго ее искали и вернулись. Сегодня точно останемся здесь, а завтра вернемся.

В тишине было слышно, как под нами пищат мыши. «Пи-

тон» молча взял с полки трофейный автомат — укороченный АКС-74У со складным прикладом. Крутил его в руках, рассматривая:

— Может, с собой его забрать? Да не хочется лишний груз нести. Не возьму.

Я тоже хотел трофейный автомат, но нести лишних несколько килограмм я точно не хотел. Самому бы дойти.

В «нору», в которой было тесно восьмерым, привели еще троих ребят из нашей роты, в том числе и пулеметчика с пулеметом и двумя коробами патронов. Нам передали рацию и две «морковки»². Сами проводники не поместились и остались лежать в углублении перед блиндажом. Слышен был разговор:

— Как будем заводить группы?

— Давай их вместе заведем?

— Опасно, слишком большая толпа.

— Нас двое, их три группы, все равно один заберет шесть человек. Нам нужно две группы на «Тройку», одну на дальний блиндаж.

— Погода хорошая, давай рискнем?

— Идем!

— Мужики, выходим все, скорее! Идем одной группой!

В «норе» началась возня, все искали свои автоматы, поправляли броники и каски, вылазили наружу. Наша группа пришла первой, поэтому выходила последней. Свою гранату

² «Морковками» называют аккумуляторы для рации.

я не забыл.

На военном языке «хорошая погода» означало, что погода самая отвратительная. Дул сильный ветер, и начинался мокрый снег. А это значит, что условия плохие для вылета коптеров и хорошие для нас.

Было совсем темно, наступила ночь. Мы были здесь впервые, совершенно не знали, куда идем, не знали местность, не знали позиций, ни наших, ни вражеских. Все, что мы видели, — это грязь под ногами и силуэт впереди идущего товарища. Важно было всегда видеть этот силуэт, чтобы не заблудиться, не сбиться с пути.

Мы шли по краю поля. Как потом я узнал, справа через поле, в 500 метрах, был противник, слева внизу он сидел еще ближе. Наша тропа простреливалась с обеих сторон, но из-за плохих погодных условий мы имели шанс проскочить.

Каждый из группы проделал сегодня уже немалый путь, все были очень уставшие и вымотанные, давно не ели. Силы заканчивались. Но цель была дойти и выжить, поэтому мы шли вперед, несмотря ни на что.

Дистанция между нами была около 10 метров — если ее увеличить, то мы бы потеряли друг друга из виду. Пулеметчик, который шел передо мной, от усталости стал отставать, и дистанция увеличилась. Я обычно отличался выносливостью и из последних сил сделал рывок для стабилизации дистанции, обогнав пулеметчика. Состав групп смешался, и это сыграло потом со мной злую шутку.

Слева возвышалось три тени — подбитая техника. Сложно было в темноте определить, что это было, но, кажется, там стояли две советские БМП и украинский БТР-4. Эта техника была единственным ориентиром на этом поле, мы должны были идти вдоль нее.

Недалеко от этого места в перепаханном от разрывов снарядов грунте валялось много противотанковых мин ТМ-62. Сложно представить, сколько всевозможных взрывных устройств и неразорвавшихся снарядов лежит в этой земле.

Нужно было пройти по «открытке» от «Ротора» около километра. Но этот путь казался нескончаемым. В итоге я заметил впереди небольшой холм и услышал голос проводника.

— Сюда, сюда, быстрее!

Я обогнул холм, за ним были длинная, широкая и глубокая выкопанная траншея, и брустверы по бокам. Я съехал вниз по скользкой глине и понял, что уперся ногами в чье-то тело. Было темно, но и в этой темноте были хорошо различимы трупы солдат. Их было много, наверное, около десяти — они лежали беспорядочно, друг на друге, в разных неестественных позах. Мне запомнился один труп — его китель был задран так, что оголился желтый надутый живот. Обезображенные лица смотрели в пустоту ночи.

Рядом с этим всем сидел проводник и кричал, чтобы я скорее снимал каску и бронежилет.

В начале траншеи был бетонный бункер. Его строил противник, и наши затрофеили его совсем недавно. Когда-то, без сомнения, в него был хороший, удобный вход, но от постоянных обстрелов входной проем завалило землей, и осталось лишь небольшое отверстие, в которое не залезть даже в амуниции. Нужно было сначала снять броник и каску, передать их вместе с автоматом вовнутрь, потом залазить самому. Я пробрался по телам ко входу, невозможно было не наступить на чью-то руку или ногу, снял с себя все, передал какому-то бойцу внутри, полез в отверстие и застрял. На поясе была разгрузка с аптечкой и дополнительными магазинами, она застряла, пришлось снова вылезать, снимать ее и пролазить. Я совсем не толстой комплекции, но меня пришлось тянуть внутри за ноги, по скользкой глине.

Бункер был относительно просторный. В передней части, где я сидел, была как бы насыпана гора из земли после обстрелов. На противоположной располагалась полка для отдыха, на которой было несколько человек. Внизу под ней лежали двое раненых в тяжелом состоянии. Слева у входа было место для броников, которые были навалены горой, справа — такая же гора оружия и БК (боекомплект — патроны, гранаты), среди которой лежал трофейный натовский автомат.

— Мужики, есть вода? — трясущимся голосом спросил один из обитателей этого «бомбика». Его сухое, грязное лицо, освещенное тусклым светом фонарика, выражало смертельную усталость.

Кто-то из нас передал ему бутылку. Они жадно накинлись на нее и сразу же опустошили.

— Долго вы здесь? — спросил я.

— Мы тут 8 дней.

— Там трупов много у входа. Вас часто штурмуют?

— Постоянно. И накрывают³ каждый день. Мы все контуженые, два раненых.

Спустя пару секунд он продолжил:

— Значит, смотрите, парни, в этой стене два маленьких отверстия по бокам, чтобы отстреливаться. В них постоянно два ствола автомата должно быть, иначе засунут сюда гранату. Сбоку от входа лежит рюкзак с землей. Как все зайдут — им нужно закрыть вход, иначе гранату закинут снизу. На «фишке» постоянно кто-то стоит. Хохол подходит ближе — открываете огонь. Если вам говорят по радиии, чтобы вы высунулись и перестреляли их, — ни в коем случае так не делать! Они выманивают вас, вы вылезете, и коптер сразу скинет на вас ВОГ⁴. Потом, над полками слева тоже отверстие есть, засыпанное землей с той стороны, там кружка стоит. Раз в четыре часа набирается полкружки воды с землей, мы ее пьем. Тут вообще с провизией плохо. Мы свою мочу пили в последние дни. До нас никто не доходит, не может пройти.

В это время к нам заполз еще один боец из второй группы, и мы закрыли вход рюкзаком с землей. Теперь мы были

³ Обстреливают артиллерией

⁴ Осколочный боеприпас для гранатометов.

временно в относительной безопасности, мы дошли, и можно было облегченно выдохнуть. К слову, та граната, которую я нес все это время, оставалась у меня в руке.

Этап за этапом мы спускались все глубже в этот ад войны. И этот этап был не последний.

Среди солдат, которые тут были 8 дней, был один проводник. Он пересчитал вновь прибывших и доложил по радиции. Оказалось, что сюда, на «Тройку», должно было зайти шесть человек, а по факту оказалось семеро. На следующую позицию должны были идти трое, ушли двое. И действительно, я огляделся вокруг и понял, что нет «Брони» с «Алладином». Когда я на поле перегнал пулеметчика, я ошибочно оказался не со своей группой.

По радиции проводнику прозвучал приказ отвести одного бойца до дальнего блиндажа.

Все начали смотреть друг на друга и спорить кто пойдет, пока я не сказал:

— Группа туда ушла моя, значит, справедливо, чтобы я к ним пошел. Проводник, выходим.

— Я туда не пойду! — отказался он. В его глазах отразился страх.

Что же это за место такое, куда не хотят идти?

— Ты чего? У тебя приказ! Ты проводник — отведи меня!

— Я не пойду в это место... — повторил он.

Он отказывается выполнять приказ, а мне нужно попасть к своим. Нужно было решаться, и я попросил рассказать мне,

куда и как идти. Мне сказали, что та позиция недалеко, внизу, метрах в пятидесяти. На самом деле она была метрах в ста пятидесяти отсюда, на склоне, в совершенно неприметном месте. Но я этого тогда не знал.

Я начал по радиии вызывать «Броню», чтобы он меня встретил через 10 минут. Командир ответил мне, что он на другой волне, и пообещал передать.

В гряде броников было не просто найти свой. Товарищ помог и указал мне на один из них.

— Точно не он, мой был другого цвета, а этот черный!

Приглядевшись получше, я увидел шеврон с позывным «Полярник» и удивился, что не узнал свой бронежилет. Он был весь мокрый и в грязи, отчего выглядел по-другому.

Я помолился, отодвинул мешок, послушал, нет ли коптера, и полез наружу. Вытянуть с внешней стороны меня было некому, поэтому хватался руками за все, что было. Левая рука соскользнула, когда я уже вылез наполовину, и я практически упал лицом на чьи-то мозги, вытекшие из черепа. Этого парня, видимо, расстреляли в упор при попытке штурма блиндажа.

На войне нужно делать все максимально быстро. Каждая минута промедления может оказаться последней. Я вытащил броник, каску, автомат, надел все на себя и двинулся вперед.

Впервые я остался один. Я шел в одиночестве, когда вокруг, на каждом шагу, тебя ждет смертельная опасность. Где-то очень близко, был противник. Мне указали лишь на-

правление, куда идти, и указали его неправильно, слишком условно. Этого не хватило бы для того, чтобы я туда дошел, но Божьей помощи и Божьей воли хватает на все, что мы у Него просим.

Я шел и молился, молился отчаянно. Природа послала мне навстречу шквальный ветер. Ветер принес мокрый снег. Он хлестал мне по лицу, а я пробирался по лунному ландшафту от одной воронки до другой.

Когда мы заходили на «Тройку», мы шли поверху склона. Теперь я спускался ровно вниз. Можно было идти и кричать «Броне», но я не знал точно, где находятся позиции противника, и поэтому кричать было слишком рискованно.

Когда я дошел почти до низа склона, впереди открылась следующая картина: болотистая местность с рогозником, колючая проволока и какая-то разбитая грузовая техника. Раньше здесь, наверное, была дорога. Я почувствовал, что это место не то, нужно подняться выше и в сторону.

Пройдя еще метров пятьдесят в полной темноте, стало понятно, что дело — дрянь. Я заблудился, и уже едва ли знал из какой точки я пришел. Идя в какую-то сторону, я начал негромко кричать «Броня!» и спустя время услышал спасительный ответ: «Полярник!». Это «Броня» ответил на мой зов.

Блиндаж был расположен очень удачно, даже подойдя вплотную, было сложно понять, где он и в какой стороне вход. Я обогнул его слева, парни открыли мне вход, и я с

переполнявшим меня чувством радости упал в грязь на дне блиндажа.

Позже я узнал, что там внизу, где была колючая проволока, сидел противник.

3. Блиндаж

День 1. Ночь под клеенкой

Я лежал на спине на дне ямы, в луже грязи, и тяжело дышал. В темноте ничего не было видно, я на ощупь нашел два столба и первым делом положил за правый столб свою гранату и поставил автомат.

— «Броня», спасибо, что откликнулся! Тебе сказали по рации, что я иду?

— Не, не говорили ничего.

«Прекрасно...» — подумал я про себя.

Наш блиндаж был совсем не как «Петрович» и даже не «Ротор». Внутри не было никакой отделки — только сырая земля. Бревенчатая крыша стояла на четырех столбах — двух высоких и двух маленьких. Нужно сказать, что сделано было добротно — столбы были толстые и, судя по всему, выдержали немало обстрелов, хотя и покосились.

Места внутри было очень мало. Если встать на коленки, то выпрямить спину уже невозможно. И в полный рост можно было лечь, только поджав ноги. В таком замкнутом пространстве, в полной темноте, мы остались втроем.

Зажигать фонарик, светить огоньками сигарет было нель-

зя: наше убежище дырявое с трех сторон — от разрывов снарядов осыпалась земля на стенках, бревна сместились, и зияли сквозные дыры. Любой огонек был бы виден издалека. С противоположной от входа стороны была небольшая амбразура — бойница для стрельбы. Хотя для стрельбы она не очень подходила, потому что все строение покосилось и в нее не вмещался полноценно стрелок с автоматом.

Первое, что я спросил, — это «В какой стороне противник?». Точно этого никто не знал. Предложили, что он находится дальше по склону. Это было верно лишь отчасти.

Командир группы по рации запросил озвучить задачи. «Держать позиции на этой высоте» — таков был ответ. Мы рассуждали, что будет дальше. Останемся ли мы здесь или пойдем на штурм? Сегодня или завтра? Ответа на эти вопросы мы не знали.

— Группа с пулеметчиком осталась на «Тройке», значит, наверное, они пойдут штурмовать.

— Скорее всего, но все быстро меняется, — рассуждали мы.

В это время зашипела рация, общий канал связи. Комбат вызывал нашего бойца, «Тролля», который в этот момент сидел со своей группой на «Роторе».

— «Тролля», тут недалеко в лесополосе наш «трехсотый» лежит. Заберешь его?

— Так точно, заберу.

— Только возьми гранат побольше.

— Зачем гранаты?

— Пригодятся.

— У нас на четверых пять гранат.

— Мало, тебе сейчас еще принесут. Бери много.

Из этого разговора следовало, что нас пока отправили на закрепление, а группа «Тролля» идет на штурм. Это значит, что у нас есть время отдышаться и подготовиться.

Вскоре по рации передали: «Пятнадцать минут тишины в эфире. Идет работа».

В этот момент «Тролля» со своей группой подкрадывался к позиции врага.

— «Тролля» — «Грозному», как обстановка?

Ответа не последовало.

— «Тролля», как обстановка?

Запыхавшийся «Тролля» ответил вполголоса:

— Подходим к позициям.

Дальше пошла работа. Наша группа закидала гранатами блиндаж противника и заняла его. При штурме Г-образного окопа между блиндажами погиб наш товарищ, перед отправкой на штурм он стоял со мной рядом на построении. Когда стреляешь из-за поворота, нужно, чтобы идущий за тобой боец одернул тебя за броник назад. В суете они сделали ошибку, и сзади его никто не подстраховал. В итоге засевший за углом вэсэушник попал ему точно в голову. Вэсэушника тоже «обнулили»⁵, но ценой еще одной жизни. Подой-

⁵ Ликвидировали

дя ко второму блиндажу, они поняли, что израсходовали все гранаты, и командир дал приказ отходить. Среди бойцов был «Парашют», с которым мне не раз предстоит встретиться.

Все это мы слышали по радию. Тем временем я осмотрел свой «калаш». На нем висели куски грязи, все мелкие элементы были забиты землей. Я снял перчатки, на ощупь разобрал его, протер руками, как только смог. Отсоединил магазин и передернул затвор. «Вроде все работает, не должен меня подвести советский автомат», — пронеслась мысль в голове.

— Сколько у нас воды?

— Половина полторашки и у меня фляга, — ответил «Алладин».

— Надо растягивать. Кто знает, когда в следующий раз поьем. А вы, кстати, на чем сидите?

— На «поджопниках»⁶. Ты чего, не взял?

Я понял, что, когда торопился на построение перед выходом на задачу, забыл нацепить на пояс сидушку. Это досадная ошибка, потому что сидеть на мокрой земле не вариант. Пришлось снять каску и сесть на нее. Не очень удобно, зато сухо.

— Мужики, надо дежурить по очереди. Ложитесь спать, я могу первым постоять. По времени без ограничений, кто сколько сможет, — предложил я.

— Давай. Рацию я не выключаю, нас должны вызывать

⁶ Туристическая сидушка

каждые несколько часов. Если я не услышу — толкни меня, хорошо? — попросил командир.

На ощупь мы нашли какую-то клеенку. Я остался на «фишке», а ребята легли рядом друг с другом на земле и накрылись ею, она хоть как-то помогала сохранить тепло. Температура была около нуля, а мы были насквозь мокрые и грязные. Ледяной ветер проникал через все дырки в крыше и боках, образуя сильный сквозняк.

Время от времени я протискивался между бревнами и смотрел через амбразуру. Угол обзора был маленький, впереди в темноте почти ничего не было видно, только земляной ров напротив. Это был единственный участок блиндажа, на котором можно было выпрямить спину, встав на колени.

Мы все еще точно не знали, где враги, они могли пойти на нас в любой момент и с любой стороны. Кроме того, высываться в амбразуру опасно — я ничего не вижу, а снайпер с тепловизором легко увидит меня и снимет. Поэтому в дальнейшем эту практику мы использовали очень редко.

Эта первая ночь оказалась для нас достаточно спокойной. Противник вел постоянный обстрел, но снаряды взрывались далеко от нас — в нескольких сотнях метров, в той стороне, откуда мы пришли. Едва погода улучшилась, над нами начали летать вражеские дроны.

Я стоял на «фишке» час или два. Рядом под клеенкой лежали мои товарищи. Время от времени, крича матом, пытались поймать мышей, которые заползали под одежду и куса-

ли кожу. Несмотря ни на что, на усталость, холод и промокшую одежду, они спали на сырой земле. Командир время от времени отчитывался по рации, что все нормально, мы живы.

Я смотрел на моих бойцов и думал, что хочется, чтобы мы все остались живы. В голове звучала молитва «Господи, пусть мы вернемся живыми и целыми!». И Господь слышал мои молитвы. Он был всегда рядом. Он оберегал нас и творил чудеса.

Война очень сильно сближает. Каждый из нас понимал, что наши жизни зависят друг от друга. И каждый готов был прикрыть спину товарища, подать руку в сложный момент.

Мы с «Броней» сдружились еще в учебке. Там он был командиром взвода. Здоровый русский мужик средних лет, с громовым голосом. Человек бывалый, видевший войну. Это был его второй контракт. Меня всегда поражало его спокойствие. Возможно, местами оно граничило с «пофигизмом», но это действительно уникальное качество, полезное на войне. Он никогда ничего не боялся, «Броня» был скалой, с которым ничего не страшно, которому хотелось верить, к которому хотелось прислушиваться. Это настоящий воин, бесстрашный и невозмутимый. Я был в нем уверен на 100 %, что он никогда не подведет и не бросит. И также на 100 % он был уверен во мне.

Второй боец, «Алладин», был человек с сомнительной репутацией. В учебке он не раз конфликтовал с ребятами, вел

себя странно, уходил не в ту сторону, постоянно что-то терял. Его руки всегда были в царапинах, перевязанные, в крови. Раны гнили, и он ничего с ними не делал. «Алладин» был инвалидом — не было нескольких пальцев на правой руке (он стрелял левой). Перед подписанием контракта ему кто-то сказал, что в военном билете у него стоит отметка о негодности, поэтому его не возьмут. Тогда он сжег военник и сказал, что потерял его. Я не знаю, зачем он хотел пойти на войну, но он сюда попал.

Нужно сказать, что, несмотря на возраст и здоровье, он был человеком очень терпеливым и выносливым. В учебке нас тренировали вагнера. Это были жесткие тренировки с утра до вечера, с большими физическими и моральными нагрузками, со стрельбой над головой боевыми патронами. Всем было тяжело, но «Алладин» хорошо держался и никогда не жаловался. Я несколько раз был свидетелем, как он хромал и тихонько стонал от боли в моменты, когда он думал, что его никто не видит. А замечая меня, выпрямлялся и шел ровно.

Имея репутацию человека со странностями, его никто не хотел брать в штурмовую группу, и так получилось, что он попал в нашу. «Броня» очень не хотел его брать и сказал командиру: «Хорошо, я его беру, но сразу скажу, что за «Полярника» я ручаюсь, за «Алладина» — нет».

Несмотря ни на что, я все равно старался всегда относиться к нему хорошо. Общался вежливо, здоровался и интере-

совался о его самочувствии. Это было проявление милосердия. Мы не знаем, как жил этот человек раньше, какие тяготы пришлось пережить, какие истинные стремления души он испытывает. Человека нужно прощать.

Итак, такой командой мы оказались в самом переднем рубеже наших позиций.

Устав дежурить, я разбудил «Алладина», потом он «Броню», и так мы сменялись до утра. Я лег под клеенку и, трясясь от холода, постарался уснуть. Ближе к утру «Броня» сказал: «Здесь все равно ничего не видно, теперь мы на «фишке» только слушаем, лучше ложиться всем вместе, так будет теплее».

Спустя несколько дней мне «Броня» рассказал, что, проснувшись ночью, он видел, как «Алладин» на дежурстве один пил воду из своей фляжки.

День 2. Накат

Проснувшись утром, первым делом мы посмотрели, сколько у нас воды. Оказалось, что вода осталась только в полторашке, «Алладин» сообщил, что его фляжка опрокинулась и опустошилась.

Солнце только начинало вставать. Светлое зарево едва проникало через дырки в блиндаже, но этого хватило, чтобы немного осмотреться. Из амбразуры открывался вид на долину, мы находились на высоте. Там, внизу, располагался разбитый поселок. Это была Клещеевка, за которую шли бои. Метрах в семи перед блиндажом бугром возвышалась дорога, которая сильно ограничивала наш обзор. Если бы противник подходил к нам за этой дорогой — мы бы его не увидели. В то же время бугор играл очень важную роль, которую мы скоро оценим, — он защищал нас от прямых выстрелов РПГ и АГС⁷.

Судя по всему, здесь раньше рос лиственный лес, такой же, через который мы заходили вначале. Но сейчас от него ничего не осталось. Вокруг нас простиралась выжженная земля, и лишь отдельные пеньки и разбросанные везде стволы деревьев могли напомнить о лесе.

⁷ Автоматический станковый гранатомёт

Выглянув за спальный мешок, исполнявший роль двери, мы увидели похожую обстановку. Вход находился в яме, слева и справа, впереди возвышались небольшие бугры. Это опять же очень затрудняло обзор, но спасало от осколков. Получается, чтобы нас поразить осколками через входную дверь — нужно попасть снарядом точно в яму, что было достаточно сложно.

В нескольких метрах от входа на земле лежал «двухсотый». Ткани еще не сгнили, он, видимо, лежал тут не так давно. Рисунок камуфляжа было сложно разобрать и определить принадлежность. В такой грязи, в которой мы воюем, камуфляж любого цвета становится черно-зеленым.

Был ли этот боец русским, украинцем, поляком, татарин — мы уже не узнаем. На этой войне пролито много крови. Какими бы мы ни были разными при жизни — смерть уравнивает все.

Война делает людей более бесчувственными. Смотря на этот труп, я не испытывал ничего. Просто воспринимал это как факт, как реальность.

Слева от «двухсотого», на бугре, стояло единственное уцелевшее дерево. Вернее, от него остался только ствол с одной голой веткой. Примерно на высоте 2,5 метра на ветке висел кусок черной тряпки. Этот кусок материи сюда могло закинуть только взрывом.

Внутри блиндажа длинные столбы были закопаны глубоко, маленькие, около метра, просто стояли на «полу» блин-

дажа. От обстрела они покосились, но «крыша» прочно лежала на земле.

— Мужики, блиндаж-то хохляцкий! — сказал «Броня», указывая на трезубец, вырезанный на столбе. Под изображением было вырезано несколько украинских позывных, с характерными буквами «і».

Под амбразурой, в земле, была вырыта прямоугольная ниша, сверху которой лежала плита ДСП, выполняющая роль крыши полки. Здесь лежали пулеметные и автоматные патроны в пачках и врассыпную в обрезанных бутылках, пустые и заряженные магазины, натовские гранаты (судя по всему, МК II, М61, М33). Трофейные гранаты — хорошие игрушки, но опасные. Если не знаешь, откуда граната, то лучше ей не пользоваться — есть такая «фишка» у минеров: надрезается запал, и взрыв происходит мгновенно, без задержки. Отжимаешь рычаг и прощаешься с жизнью.

В итоге запасной БК (боекомплект), получается, с собой можно было не брать — здесь хватило бы «добра», чтобы держать позицию.

Увидев этот схрон, я обрадовался: «Может, здесь и консерва какая-то завалилась?» Но нет, ничего поесть там не было. Если воды у нас немного оставалось, то с едой оказалось совсем туго.

— Интересно, сколько мы тут будем и какие поставят задачи?

— Ребята говорили, через неделю-две обычно ротация.

— Ну нормально, продержимся. Нам бы еды и воды, тогда продержимся. Блиндаж обустроим.

— Частая ротация тоже плохо. Попробуй еще досюда дойти и потом выйти. Лучше здесь побыть сразу две недели, чем два раза по неделе.

— Это точно.

— На штурм мы, походу, пока не идем. Вчера «Тролля» отправили, и на «Тройке» пулеметчик сидит.

— На «Тройке» хорошо.

— Что там?

— Сухо, тепло, места много. Бункер бетонный. Только воды у них тоже нет. Там «трехсотые» были, пили мочу. Как наши парни вчера пришли — выпили их полторашку воды.

— Тут тоже до нас три «трехсотых» сидели.

— Воду просили?

— Нет, как только мы пришли, они так резко выпрыгнули, мы даже спросить ничего не успели. Как будто и не раненые вовсе.

— Да, тут посидишь неделю в луже, еще быстрее победишь!

Мы все посмеялись.

Зашипела рация, стандартный отчет позиций.

— «Броня» — «Заре», какая у нас задача?

— Окапывайтесь, укрепляйте блиндаж бревнами.

— Принял.

Бревен кругом было немало, разных. Но, во-первых, над

нами постоянно летают коптеры, не высунуться. Во-вторых, даже незначительное изменение внешнего вида блиндажа — это привлечение к себе внимания.

Мы обсудили это между собой и решили копать и наводить порядок. В первую очередь разобрали и как смогли почистили автоматы и магазины. Верхняя часть магазинов, которые были на брениках, запачкалась в грязи. Если такой магазин вставить в автомат — будет затыкание патрона, он не выстрелит, а в наших условиях промедление равносильно смерти. Поправили маленькие столбы, слегка приподняли их и выравнивали.

Под потолком, на Х-образных бревнах, противник оборудовал полку. На полке мы нашли достаточное количество пустых мешков, трофейную горелку, кружку и перчатку.

— Смотрите сюда! — показал я остальным. — Что это такое?

В потолке, пробив рубероид, торчал какой-то кустарный, неразорвавшийся боеприпас. Возможно, сброшенный с коптера «Баба-Яга».

— Еще не хватало, чтобы он тут сдетонировал от обстрела.

Мешки нас очень сильно выручили. Никогда бы не подумал, что простые мешки будут так важны. В углу мы обнаружили саперную лопату, начали копать, наполняя их землей. Места было мало, копать мог только один, на карачках. Бреники и каски снимать было нельзя (что добавляло еще

больше неудобства), потому что продолжался постоянный обстрел позиций. Поскольку мы были в считанных метрах от врага, то по нам чаще применялась не артиллерия, а минометы. Но чаще это были сбросы с коптеров и стрельба по нам из АГС.

На войне быстро учишься различать летящие боеприпасы. Когда дело идет о жизни и смерти, мозг работает очень хорошо, собирая и анализируя информацию. Чем быстрее ты адаптируешься, тем дольше проживешь. Говорят, на войне три дня продержался — дальше будешь жив.

Мы быстро научились различать по звуку мину 82-мм от 120-мм, снаряд 152-, 155-мм (натовский калибр), направление, откуда летит снаряд, и расстояние, на котором он приземлится от тебя. Кассетный боеприпас было ни с чем не спутать: вначале свист, потом хлопок в небе (он выбрасывает кассеты), далее характерный треск боевых элементов уже на земле.

— Когда у меня был первый контракт, хохлы накрывали только группы бойцов. Если шло 2—3 человека, это им было неинтересно. Сейчас же они, даже если одного видят с коптера, накрывают. Даже «кассетку» натовскую не жалеют на одного! — задумчиво сказал «Броня», затягиваясь сигаретой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.